

«Как странно...»

Выйдя из кабинета главного дворца, Хань Мин невольно прокручивал в голове недавний разговор. Всё шло как надо, и результат его вполне устраивал, но внутри всё равно шевелилось смутное беспокойство. Стоило мысленно вернуться назад, как в произошедшем начинало чудиться нечто глубоко неправильное.

За три года бок о бок он изучил Дун Яо досконально.

На самом деле тот никогда не стремился к власти. Порой Хань Мину казалось, что Восточному владыке вообще на всё плевать: на корону, на собственную жизнь, на этот мир и даже на саму Вселенную. Чаще всего он просто целыми днями молча протирал клинок или лениво рассекал им воздух, коротая бессонные сутки в звенящей тишине.

Не будь Дун Яо столь равнодушным, Хань Мин ни за что не посмел бы самолично назначать всё руководство во время реорганизации Восточного королевского дворца — это было бы непростительным переходом границ.

Поскольку, помимо охоты на чудовищ, Дун Яо не интересовало ровным счётом ничего, Хань Мин долго не понимал, как подступиться к нему, чтобы поднять уровень доверия. В конце концов он плюнул на осторожность и пошёл напролом — начал постепенно передавать бразды правления, надеясь выжать из этого хоть какую-то пользу.

Когда владыка безропотно позволил ему забрать власть, Хань Мин решил, что тот меняется ради любви. Он думал, раз появился Ань Ин, которого нужно оберегать, Дун Яо желает вознести его на самую вершину, окружив небывалым могуществом.

Однако сегодня, понаблюдав за ними со стороны, Хань Мин засомневался. Да, привилегии юноше предоставили поистине царские, но в поведении и взгляде Дун Яо не чувствовалось ни капли любви.

«Но почему?..»

Неправильным казалось далеко не только их сегодняшнее свидание. Стоило сбросить романтическую пелену, как в памяти Хань Мина начали всплывать другие нестыковки из оригинального сюжета.

В книге утверждалось, будто Дун Яо погиб на поле боя от старых ран. Но ведь речь шла о великом воине, чьим врождённым талантом была «Узурпация».

В своё время тот, будучи искалеченным, умудрился на чистом упрямстве вытащить его из

кровавого пекла. Захоти Дун Яо выжить, его способность к поглощению чужой силы дала бы ему тысячи возможностей продлить свои дни. Разумным объяснением виделось лишь одно — он сам не хотел цепляться за жизнь.

Ему всегда было безразлично, дышать или умереть, так что отказ вытягивать соки из окружения в свой последний час вполне укладывался в его характер. Но неужели, когда рядом находился любимый, у него не возникло даже мимолётного желания спастись?

В романе Дун Яо уделялось не так много места. По большей части сюжет описывал горькую, безответную привязанность Ань Ина, призванную лишь подчеркнуть трагический образ покойного предшественника как недостижимого идеала.

Но судя по поведению Восточного владыки сегодня... Хань Мин всерьёз засомневался, существовали ли вообще те чувства, о которых писалось в книге.

С другой стороны, если любви не было, зачем Дун Яо вникал в назначения Восточного королевского дворца и покорно подставлялся под «Очарование» Ань Ина?

Промучившись над этой загадкой какое-то время, Хань Мин решил, что это просто его личная, ни на что не похожая манера любить. Иначе логического объяснения не находилось.

Впрочем, если отбросить этот странный нюанс, остальное его не слишком волновало.

Взять хотя бы ту папку с пометкой «10 октября» на столе владыки.

Хань Мину не требовалось открывать её, чтобы понять суть. Наверняка кто-то из придворных, мечтавших выслужиться перед господином или занять место повыше, подсуетился и собрал на него компромат, надеясь подпортить ему репутацию.

Хань Мин по природе своей не привык идеализировать людей.

В последнее время он слишком явно избавлялся от власти, и каждый мало-мальски проницательный обитатель дворца уже почуял перемену ветра. Упустить шанс и не попытаться укусь его исподтишка было бы просто глупостью с их стороны.

Так что переживать из-за этого не стоило.

Когда мысли улеглись, в ушах отчётливее зазвучал мерный стук подошв по полу коридора. Один шаг принадлежал ему, а второй... Хань Мин повернул голову и посмотрел на следовавшего за ним Лин Чжоу.

Лин Чжоу и без того не отличался разговорчивостью, но сейчас его молчание казалось почти

осязаемым. Под маской ледяного безразличия угадывалось глухое недовольство.

Причиной тому явно послужила недавняя выходка Дун Яо, когда тот демонстративно коснулся рукояти клинка.

Хань Мин не знал, играет ли его телохранитель роль или в нём действительно проснулся инстинкт хищника, чей авторитет попытались оспорить.

— Оставаясь со мной в такие моменты, ты обрекаешь себя на вечное недовольство, — ровным тоном произнёс он.

Будучи единственным неофициальным лицом в Восточном королевском дворце, Лин Чжоу с самого начала был обречён оставаться здесь чужаком. В сущности, они оба являлись для этих мест инородными телами.

И теперь, когда Хань Мин уступал власть, подобные шпильки станут обыденностью. Демонстрация силы со стороны Дун Яо — лишь первая ласточка.

Впрочем, Хань Мин обронил это замечание мимоходом. Он сильно сомневался, что Воле Вселенной вообще ведомо понятие радости.

«... Ты меня ненавидишь. Почему? Из-за той ночи?»

Когда нужно проявить понимание, этот парень глух к намёкам, но стоит затронуть щекотливую тему — и он мгновенно улавливает суть.

Голос Лин Чжоу, обычно лишённый всяких красок, прозвучал абсолютно ровно. Хань Мин притормозил, а затем и вовсе остановился, прислонившись спиной к стене. Он молча разглядывал возвышавшегося над ним мужчину, который смотрел на него сверху вниз.

Хань Мин скользил взглядом по тёмным волосам телохранителя, по его золотым глазам, безупречному лицу, тренированному телу и коже, что была на тон темнее его собственной. От мужчины ростом под метр девяносто исходила почти осязаемая угроза.

Он действительно питал к нему стойкую неприязнь.

Каждая черта этого человека — от разворота плеч до роста — была сотворена Волей Вселенной с ювелирной точностью, будто по списку его тайных желаний. Даже дикая аура первобытного хищника была без промаха прямо в его эстетический идеал.

И именно это сходство вызывало у Хань Мина тошноту.

Одно присутствие Лин Чжоу напоминало о безграничном могуществе Воли Вселенной и о бесполезности любого бунта.

Неведомая сила сотворила это послушное человеческое воплощение и приставила к нему лишь ради одной цели — его врождённого дара. Божество желало подчинить его судьбу своему замыслу.

Именно эта предрешённость бесила Хань Мина сильнее всего.

Но Лин Чжоу был недосыгаемо силён. Когда тот явился к нему, прикрываясь фальшивой потерей памяти из-за космического шторма, и навязался в охранники, Хань Мин не имел возможности отказать. Пришлось пойти на поводу у этой комедии.

Поэтому он нарёк пришельца Лин Чжоу и окружил роскошью, ни в чём ему не отказывая. Однако в глубине души никогда не воспринимал его как равного.

Эта надменная, непостижимая холодность Лин Чжоу — разве было в ней хоть что-то человеческое?

Если ему так привычно оставаться всеведущим божеством, зачем вообще нужно было спускаться в мир смертных и терпеть пренебрежение?

— Дело не в той ночи, — ответил Хань Мин.

Он надеялся, что холодный тон заставит собеседника отступить, но тот упрямо игнорировал любые намёки. Хань Мин решил поскорее закрыть тему. Он ведь даже не считал Лин Чжоу человеком — с какой стати ему неделями дуться на его ночное вторжение? Да и злился он тогда вовсе не на сам проступок.

— Хань Мин, — негромко позвал Лин Чжоу.

Стоило юноше оттолкнуться от стены, чтобы уйти в тренировочный зал, как крепкие пальцы сомкнулись на его запястье. От неожиданного рывка Хань Мин снова прижался спиной к переборке.

Почувствовав спиной холод металла, он невольно поморщился. Но прежде чем он успел раздражённо вскинуть голову, Лин Чжоу уже подложил ладонь ему под лопатки, ограждая от ледяной стали.

Хань Мин удивленно вскинул брови.

Что ж, при всей своей чуждости, Воля Вселенной умела ухаживать с безупречной

деликатностью.

Правда, эта мысленная благодарность не продержалась и секунды. Следующие слова Лин Чжоу заставили его горько пожалеть о своей мимолётной мягкости.

— Раз дело не в той ночи, — хрипло выговорил Лин Чжоу, — тогда, Хань Мин, я хочу тебя обнять. Пусть пятнадцать дней ещё не прошло, но мне хочется обнять тебя.

«Что? Каким образом разговор вообще свернул в это русло?»

На сей раз Лин Чжоу без лишних напоминаний выразился предельно ясно, но Хань Мин не испытал от этого ни капли облегчения. Он со сложным чувством уставился в золотые глаза, замершие в считанных сантиметрах от его лица.

В них никогда не было человеческого тепла. Всякий раз, когда Лин Чжоу смотрел на него, его взгляд напоминал зловещее безмолвие перед гибелью звезды. Как, обладая столь жуткой аурой, он умудрялся нести подобный вздор?

Но на этом телохранитель не остановился.

— Дело вовсе не в том, приятно мне здесь или нет, — ровно продолжал Лин Чжоу. — В Восточном секторе, в Восточном королевском дворце или в любой другой точке космоса — мне важно лишь быть там, где ты. Будет хорошо тебе, будет хорошо и мне. Говорят, объятия приносят радость. Позволь мне обнять тебя, Хань Мин? Или, если не возражаешь, поцеловать.

«И кто только выдумал эту чушь про объятия?!»

К тому же, это божество умудрилось за чистую монету принять его сказку про тактильный голод. Глядя на приблизившееся лицо Лин Чжоу, Хань Мин на секунду усомнился: а кто из них двоих на самом деле страдает от жажды прикосновений — он сам или овеществлённая Воля Вселенной?

Смешно подумать. Неужели первое, чему он научил это человеческое воплощение космического разума — тосковать по чужому теплу?

Невероятная нелепость.

— Что ты там только что говорил у дверей кабинета? — нарушил молчание Хань Мин, силой подавив подступившее раздражение. — Будто любое моё желание выполнимо и мне не стоит скромничать?

Он натянул фальшивую улыбку:

— Так вот, прямо сейчас моё единственное желание — чтобы ты немедленно убрался с моих глаз.

Развернувшись, он бесцеремонно оттолкнул Лин Чжоу и скрылся в тренировочном зале.

Он давно заметил, что послушание телохранителя носило крайне избирательный характер. Стоило заговорить о дистанции или расставании, как у того моментально отшибало слух.

Оставшись в коридоре, Лин Чжоу и не подумал уходить. Он лишь безмолвно провожал взглядом удаляющуюся фигуру юноши.

Он действительно являлся воплощением Воли Вселенной.

С того дня, как Хань Мин перешагнул порог совершеннолетия, а его врождённый талант претерпел качественную эволюцию, этот человек стал для него главным и единственным приоритетом.

Он слышал, что смертным важно чужое присутствие. И потому впервые за бесконечные эпохи облёк себя в плоть, чтобы просто находиться рядом.

Окружающие шептались, называя его преданным псом и грозным оружием Хань Мина. Говорили, что он от макушки до пят несёт на себе чужое клеймо. Лин Чжоу никогда не спорил — так оно и было. От имени до физического облика, от первого вдоха до неизбежного конца — он существовал только ради Хань Мина.

Но тот всё равно злился.

Разве смертные не стремятся к близости? Разве они реагируют на объятия подобным образом?

Этого Лин Чжоу понять не мог.

Он бесчисленное количество раз ловил себя на непреодолимом желании прикоснуться к своему человеку, но Хань Мин раз за разом отталкивал его. Порой Лин Чжоу сомневался: кто же из них двоих на самом деле лишён сердца?

Пока они выясняли отношения в коридоре, в кабинете главного дворца Восточный владыка Дун Яо мрачно изучал ту самую папку, которую Хань Мин посчитал недостойной внимания.

Там, как и предполагал юноша, действительно хранились подробные сведения о его прошлом.

«7 лет. Потратил десять дней на то, чтобы сбежать от серийного убийцы в Северном секторе.

На следующий день маньяк повесился в камере тюрьмы».

«10 лет. Тайно проник на корабль наёмников из Северного сектора и за месяц совершил с ними полный рейд по сектору. В день прибытия капитан лично вывел мальчика на трап».

«14 лет. Ненадолго вернулся в Южный сектор, устроившись виночерпием в Южный королевский дворец. Спустя три месяца на престол взошёл новый владыка, а Хань Мин покинул службу и отбыл обратно на Север».

«15 лет. Взял под опеку никому не известного живописца. Через две недели тот проснулся знаменитым».

«16 лет. Организовал персональный вечер для отвергнутого консерваторией музыканта. В тот же день юное дарование взял в ученики величайший композитор эпохи».

«17 лет. Завёл дружбу с учеником оружейного мастера в Западном секторе. Спустя два месяца звание лучшего творца оружия в секторе перешло к его протеже...»

Этот невероятный список занимал лишь малую часть тринадцатистраничного отчёта.

Потому обитатели Вселенной, брызгая слюной от злости из-за его привычки мгновенно менять господ, одновременно с тем боготворили его феноменальный талант врождённого помощника.

Но Дун Яо держал перед собой эти бумаги вовсе не для того, чтобы в очередной раз подивиться общеизвестным фактам.

Да и сам отчёт не был дешёвой кляузой, призванной доказать вероломство Хань Мина.

Совсем наоборот: министры, корпевшие над бумагами, преследовали единственную цель — удержать Хань Мина любой ценой.

Сейчас, когда ситуация в Восточном секторе наконец стабилизировалась, они планировали устроить для него грандиозное торжество в честь дня рождения с трансляцией на все обитаемые миры, чтобы во всеуслышание заявить о его колоссальных заслугах. Опасаясь, что владыка сочтёт это излишеством, чиновники заботливо перечислили его прежние триумфы, доказывая исключительную ценность советника.

Если даже ради Ань Ина, прибывшего всего месяц назад, устраивали пышный приём, то Хань Мин заслуживал куда большего. Этот юноша, чья красота стоила целой армии, а ледяной, безумный характер заставлял сдаваться без боя даже самых стойких врагов, заслуживал поклонения всего сектора.

Дун Яо отвёл взгляд от исписанных страниц.

Все старания министров были совершенно лишними. Ведь даже он сам давно перестал быть равнодушным к юноше.

Безразличие хранил лишь один человек — сам Хань Мин.

Даже когда Дун Яо демонстративно оставил эти важные документы на самом виду, тот даже не удостоил их мимолётным взглядом. Очевидно, его мысли уже витали далеко отсюда. Он никогда не заботился о Восточном секторе и уж тем более плевать хотел на то, что о нём думают другие.

При этой мысли на губах Дун Яо заиграла едва заметная, горькая усмешка.

Он изначально знал, что интерес Хань Мина угаснет за считанные минуты, а вся его показная преданность — лишь холодный расчёт.

И всё же он молчал. Он терпел. Хотя терпение никогда не входило в характер жестокого правителя.

Каждый божий день он подавлял внутри себя пожирающую жажду обладания, из последних сил удерживая шаткий рассудок от падения в бездну, и просто позволял Хань Мину делать всё, что тому вздумается. Владыка послушно закрывал глаза на любые вольности и капризы своего советника.

Порой ему самому становилось смешно от мысли, до какой степени смирения он докатился.

А Хань Мин ещё смел утверждать, будто он недостаточно сдержан.

Кого же в таком случае этот мальчишка считал образцом самоконтроля? Того бешеного пса Лин Чжоу, судорожно охраняющего свою территорию?

Усмешка Восточного владыки стала ещё ядовитее.

Ну и пусть. Всё равно его терпение уже подошло к концу.

Короткий кинжал, который он ранее вонзил прямо в бумаги, всё ещё сиротливо торчал из стопки. Дун Яо переложил разворошённые листы поверх единственного уцелевшего документа слева, а затем опустил ладонь на рукоять оружия и медленно, дюйм за дюймом, надавил вниз.

Остриё легко пробило бумагу и вошло в массивное дерево.

В следующее мгновение тяжеленный деревянный стол вместе со всеми документами беззвучно рассыпался в мелкую серую пыль, которая бесследно растаяла в воздухе.

<http://bllate.org/book/18306/1755316>